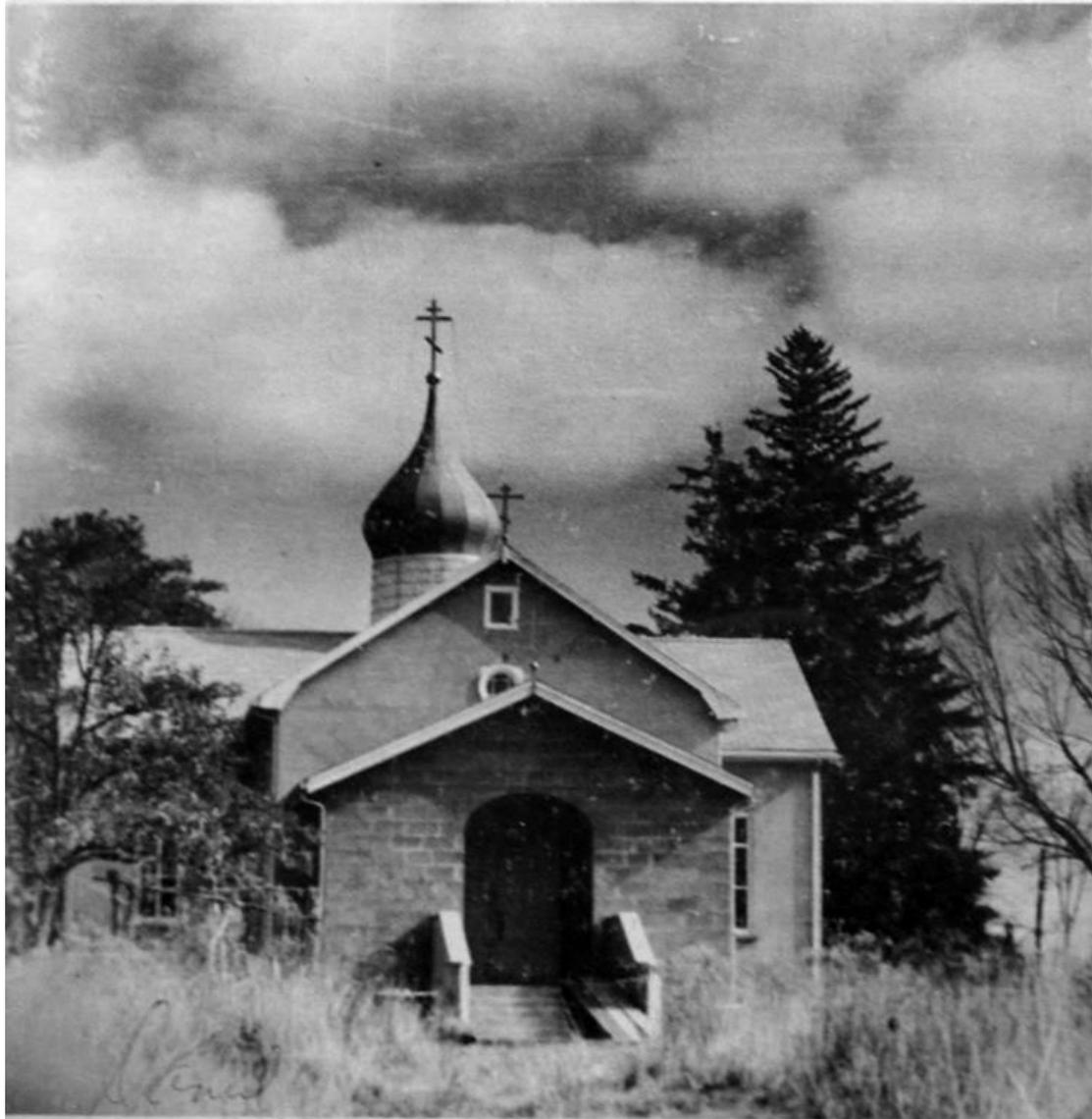

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

SEPTEMBER-OCTOBER, 1966

SIXTY CENTS

ST. SERAPHIM'S NEW DIVEYEVO

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ВЫХОДЯЩЕЕ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

1966 Часть 2, № 4 (10)
Сентябрь-октябрь

Учрежден по благословию Высокопреосвященнейшего Иоанна (Максимовича), архиепископа Западно-Американского и Сан-Францисского, Русской Православной Церкви Заграницей.

Редакторы: Евгений Роуз, магистр искусств, и Глеб Подмошенский, бакалавр наук.

[Русский текст Вячеслава Марченко.]

Отпечатано Братством отца Германа.

Текст набран шрифтом Garamont, 10 пунктов, заголовки — Goudy Bold, 18 пунктов.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Святой великомученик Христов Димитрий Солунский.
2. Свете Тихий. Архимандрит Севастиан (Дабович).
3. Фотис Контоглу. Автор Константин Каварнос.
4. Открытое письмо Вселенскому Патриарху. Архимандрит Епифаний (Феодоропулос).
5. Православие в современном мире. [Письма московских священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина.]
6. Православная духовная жизнь: Учение преподобного Серафима Саровского о стяжании Святаго Духа.
7. Паломничества к православным святым местам Америки: Паломничество третье. [Ново-Дивеевский монастырь рядом со Спринг-Вэлли, Нью-Йорк.]

На обложке: Серафимовский храм в Успенском Ново-Дивеевском монастыре; сс. 153, 155: любезно предоставлено Виктором Любарским. Стр. 118: любезно предоставлено Свято-Преображенским монастырем; стр. 122, 123: Из Салоник, М. Пехливанидис и Ко, Афины.

Авторские права 1966 г. "Православные христианские книги и иконы".

Годовая подписка — 3 доллара США, двухлетняя — 5 долларов США; отдельные экземпляры 60 центов (50 центов подписчикам).

Все запросы следует направлять по адресу:

«Православные христианские книги и иконы», 6254 Гири бульвар, Сан-Франциско, Калифорния, 94121.

Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Св. Матфея 10:32-4

КАЖДЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНИН призван исповедовать Иисуса Христа, быть Его свидетелем среди людей. Не все призваны быть мучениками – само это слово означает "свидетель" – и исповедовать Христа среди страшных гонений. Но от всех требуется жить христианской жизнью, которой учит Церковь, проходить напряженную подготовку, необходимую для ведения невидимой брани с врагом нашего спасения, и все больше и больше приводить свою жизнь в соответствии с установлениями Церкви.

Это те дела веры, благодаря которым все могут исповедовать Господа, по которым можно узнать, что мы Его последователи, и без которых должный духовный рост теряет правильное направление или просто угасает.

Меч ревности в служении Богу – это необходимое оружие, с помощью которого можно отсесть искушения зла, искушения мирской жизни. Без духовной брани, в которой исповедается Христос, нет ни Христианства, ни спасения.

Великомученик Димитрий Солунский.
260–296
Память 26 октября.

Икона Фотиса Контоглоу.

1. СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК ХРИСТОВ ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ.

День памяти святого Димитрия – великий праздник для всего Православия, но особенно для города Фессалоники [славянское название – Солунь], который является его родиной. Его церковь – здание древнехристианской эпохи, построенное через сто лет после его мученической кончины в 296 году. Но через 300 лет она сгорела и была восстановлена во времена Императора Льва Мудрого.

Святой Димитрий вместе со святым Георгием – два храбрых отрока Христианства. Эти двое пребывали внизу, на земле, а два архангела, Михаил и Гавриил – наверху, на небе.

В древние времена их изображали без доспехов, но в более поздние годы их стали изображать во всеоружии – с мечами и копьями, в металлических нагрудных пластинах. На одном плече у них лежит шлем, а на другом – щит. На талии они подпоясаны ремнями, которые держат ножны меча и колчан, в котором находятся стрелы и лук. В последние годы, после завоевания Константинополя, эти два святых, как и другие святые-воины, изображаются сидящими на лошадях: святой Георгий на белом коне, святой Димитрий на красном.

Доспехи, которые носят эти святые, изображают духовное оружие, подобное тому, о котором говорит апостол Павел: "Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие" (Еф.6:11-17). Такой героический и твердый характер, которым обладают воины, принявшие мученическую смерть за Христа как безобидные и невинные агнцы, имеет отношение к духовной области.

Святой великомученик Димитрий Мироточивый родился в Фессалониках в 260 году. Его родители были известными людьми, и вместе с преходящей славой, которую Димитрий имел от своей семьи, он был украшен нетленными добродетелями, благоразумием, кротостью, смирением, справедливостью и всяким благородным достоинством души. Все это было подобно драгоценным камням, сияющим на венце, который он носил, и этим венцом была вера во Христа.

В те дни в Риме царствовал Диоклетиан, и он поставил кесарем в Македонии и на Востоке жестокосердного и кровожадного полководца по имени Максимиан, зверя в человеческом обличье, как и все те военные правители (полемархи), которые тогда правили миром с помощью меча: Диоклетиан, Максенций, Максимиан, Галерий, Лициний – твердолобые, свирепые, с массивными челюстями, мрачными лицами, с короткими толстыми шеями, как бочки, безжалостные и страшные. Он, в свою очередь, назначил Димитрия проконсулом Фессалоников и всей Фессалии. Когда Максимиан вернулся с какой-то войны, он собрал военачальников в Фессалониках, чтобы принести жертву идолам. Тогда Димитрий открыл, что он христианин и не принимает тесаные камни как богов.

Максимиан пришел в ярость и приказал судить его и заточить в термы. И все время, пока он находился в заточении, народ с плачем спешил слушать, как Димитрий учит о Христе. Юноша Нестор также ходил каждый день и слушал его поучения.

В те дни на ристалище сражалось множество храбрецов, и Максимиан радовался этим зрелищам. В большом почете у него был некий приспешник Лий, звероподобный человек с медными ногами, идолопоклонник и богохульник, привезенный из какого-то варварского народа. Нестор, видя, что этот Лий побеждает всех и хвастается, что обладает силой Ареса, языческого бога войны, и что никто из местных жителей не смеет с ним бороться, пошел в темницу и попросил святого Димитрия благословить его на победу и посрамление Лия и Максимиана и их религии.

Святой Димитрий помолился и совершил над ним крестное знамение, и тут же Нестор поспешил на ристалище и поборолся с этим свирепым великаном, и повалил его, и убил. Тогда

Максимиан пришел в ярость и, узнав, что Нестор – христианин и что святой Димитрий благословил его, приказал воинам предать их смерти.

И они, отправившись в термы, пронзили святого Димитрия своими копьями, и таким образом он получил вечный венец 26 октября 296 года, в возрасте тридцати шести лет. Пишут, что когда он увидел, как воины направляют на него копья, то поднял высоко руку, и они пронзили его бок, и он удостоился принять прободение, какое и Христос получил в Свой бок, и из раны потекли кровь и вода. Нестор был обезглавлен на следующий день за стеной на месте Золотых ворот его собственным мечом.

Христиане взяли останки святого и похоронили их рядом, а из могилы святого Димитрия изошло святое миро, которое исцелило болезни многих. По этой причине его называют Мироточивым. Над его могилой и местом его мученической кончины была построена церковь во времена святого Императора Константина Великого. Позже была построена большая церковь в виде базилики, которая стоит и по сей день. В 1143 году Император Мануил Комнин прислал из Константинополя святую икону Великомученика, которая находилась у его гробницы, и поместил ее в монастырь Пантократора, церковь которого была построена Комнинами и называется сегодня Зейрек [мечеть в Стамбуле].

Такова мученическая кончина святого великомученика и мироточивого Димитрия, который возлюбил Спасителя нашего превыше всего в этой жизни – удовольствий, богатства, почестей – и жаждал разрешиться, чтобы оказаться с Ним в Небесном Царстве, по молитвам которого и мы да сподобимся подобной участи. Аминь.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЧУДЕС СВЯТОГО ДИМИТРИЯ.

В годы правления Христианских Царей в одном из африканских городов жил некий епископ, который однажды сел на корабль, чтобы отправиться в Александрию. По дороге пираты захватили корабль и взяли людей в плен. Они пленили епископа и продали его на Восток одному агарянскому князю, который, будучи человеком злым и диким, велел ему носить навоз в свои виноградники и сады. Много раз, когда епископ нес корзину с навозом на голове, он со слезами говорил: "Горе мне! Где то время, когда я держал на своей голове Святые Таины, и до чего я теперь опустился?" День и ночь он молил Бога освободить его от этого плена.

Однажды ночью ему явился святой Димитрий, восседающий на белом коне. Святой сказал ему: "Что у тебя за печаль, что ты плачешь?" Епископ ответил: "Что за печаль, спрашиваешь ты? Разве ты не видишь, сколько зол обрушилось на меня, несчастного? Днем я в трудах, а ночью в окопах. Что же мне, несчастному, делать, чтобы не плакать?" Тогда святой сказал: "Подойди, взойди на спину моего коня". Епископ ответил: "Господин, я не могу подняться, потому что я связан". Святой снова сказал ему: "Вставай, раз я тебе так говорю". Епископ встал и сел на коня. И самым чудесным образом они оба сразу же оказались верхом на лошадях за пределами Фессалоников.

Когда они оказались там, святой сказал епископу: "У меня здесь дом, и я господин этого города; поэтому я пойду вперед, а ты спроси дорогу и иди вслед за мной". Епископ ответил: "И как же мне спросить, господин?" Святой сказал ему: "Спроси, где находятся дома Димитрия, владыки Фессалоников, и, спросив так, ты найдешь меня, а я приготовлю тебе возвращение в твой дом". Так сказал ему святой, а затем удалился в город. Когда епископ подошел к воротам городской стены, он спросил, как сказал ему святой, но привратники насмеялись над ним, говоря ему: "У нас нет Димитрия как господина". Но другие, мудрые, услышав вопрос епископа, поняли, что великий Димитрий сотворил для него какое-то чудо (ведь Святой

ежедневно творил чудеса для пленников). Поэтому они спросили его: "Что ты за человек?" И он рассказал им всю историю о том, что был в плену на Востоке, но ему явился некий воин, освободил его и привел в это место. Тогда люди сказали ему: "Пойдем, мы отведем тебя в церковь, чтобы ты мог встретиться с ним". И когда они вошли в церковь и он увидел икону святого, то узнал его и, обняв икону со слезами, сказал: "Это тот воин, который освободил меня". Когда архиепископ Фессалоников узнал об этих событиях, он снабдил епископа деньгами для возвращения в Африку.

Некий крестьянин в Каппадокии расчищал место для амбара и обнаружил в земле древний каменный фундамент. Пока он копал, к нему подъехал молодой всадник и воскликнул: "Зачем ты разрушаешь мой дом, превращая его в амбар для себя? Знай, что если ты сделаешь это, то будешь много и горько страдать. Я, который говорю с тобой – Димитрий из Фессалоников, которого все здесь почитают". Крестьянин, испугавшись слов Святого, оставил работу и поспешил домой. Его родственники, узнав причину его сильного волнения и страха, немедленно отправились на то место, расчистили его и нашли там фундамент древней церкви, которая была посвящена святому Димитрию. И вот на том самом фундаменте впоследствии была воздвигнута великолепная церковь, в которой поместили икону с изображением большого креста с распятым на нем Господом и ликом Великомученика, ибо святой Димитрий победил заблуждение идолопоклонства с помощью Креста и своими страданиями сораспялся Христу.

Но как никто не может сосчитать количество капель дождя, так и невозможно описать все чудеса, сотворенные святым Димитрием. Бесчисленное множество раз он спасал родной город от всякого врага, видимого и невидимого, делая это иногда открыто, а иногда скрытно. Самым чудесным из всех было его святое миро, в котором все находили даровое исцеление от всеразличных болезней. Могила святого Димитрия была второй Вифездинской купелью и даже более чудотворной, чем она, ибо та исцеляла только одного в год, а эта ежедневно исцеляла множество больных.

Однако милость Божия, столь обильно проявляющаяся в чудесах святого Димитрия, иногда отступает из-за нашего упорства в грехах. Так случилось, что Бог предал Фессалоники и церковь святого Димитрия агарянам, и с тех пор его благоуханное миро не видели, а сами святые мощи исчезли.

В то время, когда Фессалоники собирались захватить агаряне, некоторые благочестивые христиане ехали туда на праздник Святого. Они дошли до Царской дороги, которая находилась в Вардарионе, и там увидели воина, идущего из Фессалоников, и епископа, идущего по дороге из Ларисы. Когда воин и епископ встретились, воин заговорил первым, обращаясь к епископу: "Радуйся, иерарх Божий Ахилла". А епископ в ответ сказал: "Радуйся и ты, воин Христов Димитрий". Услышав эти имена, христиане в страхе попятнулись в стороны, ожидая, что произойдет. Солдат снова обратился к епископу: "Откуда ты идешь, иерарх Божий, и куда направляешься?" Тогда святой Ахилла прослезился и сказал ему: "За грехи и беззакония народа Бог повелел мне удалиться из Ларисы, которую я охранял, потому что она будет отдана в руки агарян. И вот, я отошел и иду, куда Он повелит мне. А ты, откуда идешь? Скажи мне, умоляю тебя!" Тогда святой Димитрий тоже заплакал и сказал ему: "Я тоже страдал от того же, о епископ Ахилла. Много раз я помогал фессалоникийцам и избавлял их от плена, чумы и всяких болезней, но теперь из-за их многочисленных грехов и беззаконий Бог отступил от них и повелел мне оставить их, чтобы они были преданы в руки агарян. По этой причине я подчинился Его воле, и я тоже ушел и иду, куда Он мне велит". Сказав это, оба они склонили головы до земли и заплакали. Спустя довольно времени они почтили друг друга лобзаниями и тут же исчезли. Увидев это чудо, христиане не решились идти дальше в Фессалоники, а

вернулись в свои дома и рассказали об увиденном. Не прошло и месяца, как и Лариса, и Фессалоники были взяты и разграблены турками".

Преподобный Симеон Метафраст описал мученическую кончину святого великомученика Димитрия на греческом языке; его труды хранятся в монастырях в Великой Лавре, Ивере и других. Кроме того, святой Никодим Святогорец составил шесть новых канонов – в шести гласах святому Димитрию, которые, вместе с двумя другими древними канонами (один первого гласа, другой второго), составляют прекрасный Октоих святому Димитрию. Они были опубликованы в конце книги "Врата покаяния". Божественный Григорий Палама из Фессалоники написал изящную похвалу его мученическому величию. Также похвалы (утрени) святому Димитрию написал святитель Феофан Затворник (см. его Житие 11 октября). Макарий Глухой написал похвалу великому Димитрию, как и Лев Мудрый, чья похвала ему, написанная на греческом языке, хранится в монастыре Пантократор. Проповедь на его мироточение была написана Иоанном Архивариусом из Фессалоники и находится в монастырях Великой Лавры, Ватопеде и Дионисиате. В монастыре Ивер хранится проповедь, написанная патриархом Филофеем.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧУДЕСА В РОССИИ.

Архимандрит Харлампий (Василопулос).

В этих записях представлено истинное религиозное состояние, существующее в России, и изложено несколько чудес, произошедших в последнее время среди русского народа. Даже неверующие вынуждены верить.

В качестве примера мы приводим чудо, произошедшее в октябре прошлого года, которое описывает очевидец и о котором была вынуждена рассказать российская пресса.

Перевод письма из России:

Возлюбленные,

мы с умилением читаем все подробности о том, как на острове Лесбос, в Эгейском море, были найдены святые мощи греков, мученически погибших за Христа. Если можно, пришлите нам икону святого и чудотворного греческого мученика Рафаила.¹ То, что вы пишете, что почти вся греческая деревня часто видела, как Святой являлся им во сне и велел копать, чтобы найти его мощи и мощи тех, кто был замучен вместе с ним, произвело на нас большое впечатление. Мы сказали: "Но может ли сам Святой являться, и особенно грешникам?"

1. В 1959 году на острове Митилена (Лесбос) началась череда явлений, которые видели множество людей, узнавая могилы и мученические кончины многочисленных новомучеников, живших пятьсот лет назад. Самыми выдающимися из них были священномученик Рафаил, его диакон Николай, а также дева-мученица Ирина. Этот удивительный рассказ записан на греческом языке в книге Фотиса Контоглу под названием "Великое знамение".

Но поверьте, не прошло и семи дней, как мы были наказаны за наше маловерие! От нашей сестры, живущей под Псковом, мы получили письмо вместе с вырезками из местных газет. А теперь я переписываю ее письмо для вас слово в слово: "...26 октября мы начали готовиться к празднованию годовщины Октябрьской революции, потому что сюда из разных мест должны были приехать многие чиновники, чтобы посетить могилы павших во время войны. Мы все

добровольно работали, убирали сухую траву и засыпали дорожки мелким гравием. Ночью мы спали в общинном зале деревни, около сорока пяти женщин из окрестных деревень. От усталости мы засыпали, как мертвые.

Ночью одна из нас проснулась и закричала: "Помогите, товарищи. Я вижу фантомы!" – "Что ты видишь? Что ты видела?" – Спросили мы. – "Я увидела сияющего юношу на коне, который держал в руках золотой кубок. Всадник сказал мне: "Посмотри на эту святую чашу, наполненную Кровью Христа, которая просветит всех вас и принесет любовь и мир". Я хотела спросить его: "Кто ты?", но не смогла. Но он понял и сказал мне: "Покопайся в этом месте и ты узнаешь, кто я". Сон был очень ярким". После этого мы снова легли спать. На этот раз семнадцать женщин и девушек видели тот же сон (из них одиннадцать – члены Партии) Снова всадник! Снова золотой кубок, сияющий в его руке! И снова он приказал: "Копайте там, чтобы вы могли узнать, кто я такой".

"Мы обсуждали между собой, что нам делать. В нашем районе нет ни одного священника. Решили ехать в Ленинград. Поехали. Но везде перед нами закрывали двери и издевались над нами, считая ненормальными и отсталыми. Наконец, кто-то посоветовал обратиться к археологам. Мы пошли. Там нам сказали, что до сих пор никто не проводил раскопок на основе мечты и что народные средства не для того, чтобы ими разбрасываться. В унынии мы вернулись в отель. В четыре утра зазвонил телефон. Нас разыскивали археологи! Дрожащим голосом они сказали, чтобы мы ехали и нашли их снова, на первом же автобусе. Мы снова поехали. Они были ошарашены, они видели тот же самый сон! На золотой чаше был изображен Христос. Об этом стало широко известно. Комментарий в прессе. Насмешки. Насмешки. Однако нам это удалось.

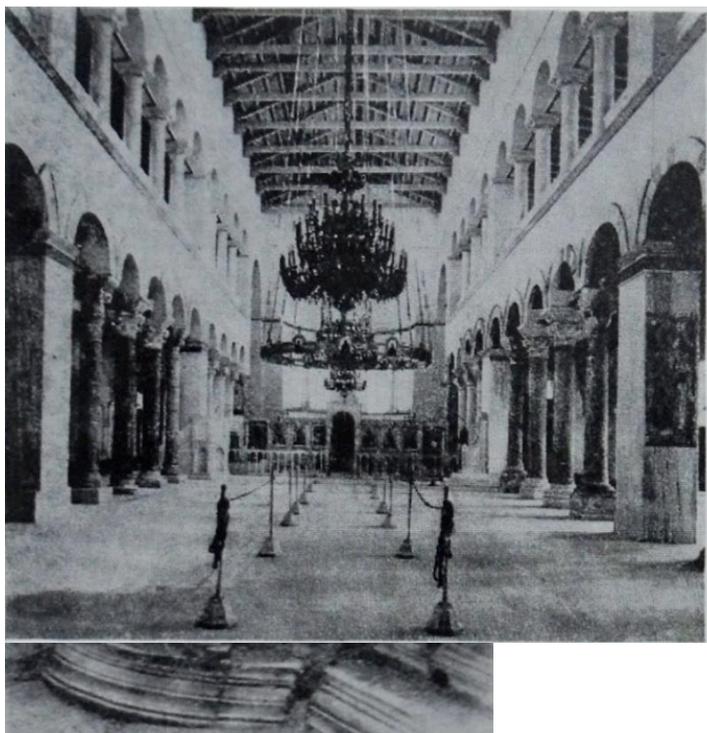
Партия рабочих и добровольцев вместе с археологами отправилась в путь. Через три дня были найдены первые руины. Там была целая группа церквей. Каждый день во сне они видели Святого на коне, который командовал им: "Копай! Копайте! На четвертую ночь все они, договорившись между собой, спросили его: "Кто ты?". Святой грозно и громко спросил: "Разве вы меня не знаете? Я – Димитрий Солунский, и Христос послал меня к вам, чтобы вновь принести вам любовь и мир!!! На тринадцатый день при раскопках мы наконец нашли его величественный храм и икону, а также святой потир, который он держал в руках... Шум! Большой переполох! Даже пресса писала об этом, правда, отрывочно и искаженно. Но все мы теперь знаем правду..."

P.S. Мы сожалеем, что не можем написать более подробно. Но пусть этот недостаток восполнит вырезка из советской газеты от 15 января 1966 года, которую мы цитируем:

УНИКАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ.

Согласно древним рукописям, известно, что в районе города Довмонтова, что под Псковом, существовало более двадцати каменных церквей, целые Помпеи. Совсем недавно археологической партии удалось обнаружить одну из таких церквей – церковь Димитрия Солунского, которая была построена, согласно древним рукописям, в 1144 году. Во время раскопок археологи обнаружили глиняный сосуд, представляющий уникальную ценность. На нем сохранилась форма человека, которая, однако, не имела никакого отношения к абстрактному (иконографическому) облику святого.

Этот уникальный рельеф дает нам первое знакомство с искусством псковского региона, которое было посвящено религии.

Базилика святого Димитрия в Фессалониках.

ХРАМ СВЯТОГО ДИМИТРИЯ.

Храм святого Димитрия в Фессалониках был построен на месте его мученической смерти в римских термах, где он был заключен. Эти термы сохранились до наших дней в крипте под алтарем церкви. Во время мусульманского правления городом, которое длилось почти 500 лет, церковь была превращена в мечеть, и христианам было запрещено входить в нее. Таким образом, о существовании терм в крипте под полом алтаря было совершенно неизвестно, когда в 1912 году Фессалоники были освобождены христианами. В 1917 году случился сильный пожар, уничтоживший большую часть города, что и послужило причиной обнаружения терм – пол алтаря провалился. Среди прочего была обнаружена первая часовня, построенная над местом его мученической смерти (маририум), с глиняным сосудом, установленным на Святом Престоле, содержащим землю с человеческой кровью – очевидно, святого Мученика. Также была обнаружена большая мраморная раковина, в которую собирали святое миро из могилы Святого (см. ниже).

Было две попытки вернуть мощи святого Димитрия – одна во времена святого Константина, когда Святой явился и сказал: "Не расчленяйте меня, но лучше оставьте меня целым в моей стране", и другая во времена святого Юстиниана, когда огонь вышел и испепелил тех, кто копал, когда они достигли мраморной гробницы Святого. И тогда раздался голос: "Не копай больше". До сих пор святыне мощи не обреты. Существует даже вопрос о том, где находится гробница Святого в церкви, поскольку все следы ее были удалены мусульманами, когда они занимали церковь. На Святой Горе и в других местах сохранилась кровь Святого с землей, которую взяли христиане во время его мученической смерти.

Раковина, в которую стекало миро с мощей святого Димитрия. К ней вели каналы от гробницы Святого в церкви наверху.

МИРОТОЧЕНИЕ.

Святой Димитрий – один из немногих святых, от мощей которого по милости Божией исходит благоуханное и целебное миро. Среди других великих мироточивцев – святитель Николай, преподобный Симеон Сербский и преподобный Нил Афонский, чьи мощи, в отличие от мощей святого Димитрия, сохранились до наших дней.

О святом Димитрии сохранилось следующее повествование: Один аскет, который жил на горе Холомонт, услышал, что Святой источает миро на своей могиле, но не поверил этому, считая, что там были и другие святые, которые страдали больше за имя Христово, но не источали миро, и почему же именно Димитрий был удостоен такой чести от Бога? Однажды ночью, когда аскет лег спать, ему привиделось, что он оказался в Салониках, в церкви святого Димитрия, и видит он перед собой одного человека, который держит в руках ключи от могилы святого. Он попросил его открыть ее, чтобы поклониться. Человек открыл ему, и аскет вошел в небольшую комнату со сводами, чтобы преклониться перед могилой Святого. Вдруг видит он, что вся могила влажная от мира и благоухает. Тогда говорит аскет сторожу: «Прошу тебя, давай вскопаем это место и посмотрим, откуда источается миро». Они начали копать, и вскоре нашли большой кусок мрамора, который с трудом подняли, и вдруг оттуда им показались мощи святого, они все светились, источали миро из тех мест, где Святого пронзили копьями его палачи. Аскет, сильно испугавшись, боясь, как бы ему не утонуть в мире, громко закричал: «Святой Димитрий, помоги мне!» Закричав так сильно, он проснулся и увидел, что и он, и вся его одежда намочена миром.

С XII века нет никаких сведений о миро с мощей святого Димитрия, а сами мощи так и не были найдены после турецкой оккупации церкви – ибо Бог, Который милостив, лишает грешников Своей милости. (В свое время статья в "Православном Слове" будет посвящена самому феномену мироточащих святых.)

2. СВЕТЕ ТИХИЙ.

Архимандрит Севастиан (ДАБОВИЧ).¹

1. 1863–1940, первый православный священник американского происхождения, уроженец Сан-Франциско.

САН-ФРАНЦИСКО, 1899.

«Свѣте тихий Святѣя славы, безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго Блаженнаго, Исусе Христѣ: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына, и Святаго Духа, Бога. Достойн еси во вся времена быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот дай: темже мир ты славит».

ГИМН ВЕЧЕРНИ.

ПРЕКРАСНЫЕ СЛОВА! Какую полноту выражения передает нам, жителям крайнего Запада, христианам, живущим как раз там, где заходит солнце после сияния над последним континентом земли, этот тихий свет, дошедший до самого захода солнца. Я хотел бы, чтобы все

вы могли насладиться сладостью гармоничной фразеологии, которая скользит по всему этому возвышенному гимну, как в греческом, так и в славянском переводе. Поэзия страдает, чтобы сохранить смысл оригинальных слов при переводе на английский. Но сама мысль настолько продумана, что можно уловить слабый отзвук священной музыки.

Причина, по которой этот гимн предназначен для вечернего возношения, ясно выражена в самом гимне. Мысль о Христе, тихом Свете, естественно вызывается при виде заката и мягкого света ламп. По Божеству Христос – вечно существующий Свет, поскольку Он – вечное сияние славы и явный образ ипостаси Его (Евр. 1:3). Но ради спасения человечества Он скрыл Свою Божественную славу под обликом человека и таким образом стал тихим светом вечерним. Поразительное сравнение! Дымка, которая обычно наполняет вечерний воздух, уменьшает яркость солнечного света. Днем свет солнца невыносим, так что на него невозможно смотреть невооруженным глазом. Но посмотрите на то же солнце вечером, и вы увидите, как мягко оно светит. Каждый может смотреть на него открыто, любоваться его красотой и красотой тех великолепных картин, которые оно создает в облаках отражением своего света. Так и Сын Божий, непрístupный по Божеству, сделал Себя доступным для нас Своим человечеством, через которое Свет Божества ослабел, чтобы мы могли видеть Слово жизни простыми глазами, слышать и чувствовать Его (Ин. 1:1); и сделав Себя доступным для всех, Он сделал для всех доступным путь через Себя к Отцу Небесному, Святому, Благословенному, так что видевшие Сына видели Самого Отца (Ин. 15:9).

Восточный свет пришел на Запад до самого крайнего западного предела. И блаженны те, кто, обладая ясным зрением, воспринимает этот свет таким, каким он сияет на Востоке. Этот свет, хотя и пришел с Востока, не изменился, но, сияя на Западе, он продолжает быть светом Востока; это Вечный Свет. Христос, Который Сам есть Восток, положил Себя в качестве главного краеугольного камня Своей Церкви, которую Он основал на Востоке, и те, кто на Западе принимает этот Свет Востока, должны светить так, как Свет Востока хотел бы, чтобы они были просвещены; но не позволять ослеплять себя бликами ложного огня; я говорю огонь, но не свет, поскольку никакой свет не приходит с Запада! Хвала и слава Благому Богу! Видите, Он приходит на Запад с Востока, чтобы все могли увидеть тот Единый Свет и спастись в узах союза, который есть любовь!

Много веков звучит этот вечерний гимн в христианских храмах, и ни через века, ни в храмах он не утратил своей свежести и нежности. Скорее, кажется, что с каждым заходом солнца он становится новым; на каждом закате, до которого Богу угодно продлить нашу жизнь, он побуждает наши души к новым силам, к святым мыслям, к Небесам устремленным чувствам. Поем ли мы эту хвалу сами или слышим гимн от других, мы всегда чувствуем освященную сладость сердца, возвышенное чувство окрыляет душу. Но куда уходит вечернее солнце? Оно не исчезает, а, скрытое от нас, с такой же яркостью освещает другую сторону земли. Так и наше духовное солнце, без сомнения, скрытое от наших глаз, всегда и подобным же образом сияет и видится во всей Своей славе в другом мире, тогда как здесь глаз веры может видеть лишь отблеск Его никогда не заходящего света.

Историческая традиция, рассказывающая о том, как был написан этот гимн, очень интересна: На одном из холмов Иерусалима – весьма вероятно, на той самой горе, с которой Спаситель мира смотрел на Иерусалим в мягких сумерках и скорбно беседовал со Своими учениками о приближающемся падении города Божия, – сидел в полном одиночестве старец, мудрый старец Софроний; он был епископом Иерусалимским, патриархом древнейшей Восточной Церкви: он сидел, и его задумчивый взгляд был устремлен на заходящее солнце Палестины. Глубокая тишина, угасающий свет вечера, прохладный и бодрящий воздух и другие впечатляющие картины природы на закате, которыми любил наслаждаться мудрый Софроний,

так привлекли внимание раба Божия, что он погрузился в глубокое размышление. Перед ним лежал Иерусалим, с которым связано так много воспоминаний; лучи солнца теперь, как и раньше, падали на этот славный город, но они больше не освещали в нем ни храм Соломона, ни дворец Ирода, ни крепкие стены и высокие башни Сиона. Он выглядел уныло и пустынно, как бывает в доме, когда хозяин, давно умерший, не оставляет после себя никого. Мудрый Софроний не печалился, глядя на руины стен и храма Иерусалима. Он знал, что из обломков старого возник новый Иерусалим, который сияет во всем мире и над которым сияет Слава Божия; ведь когда-то, до того как стать Патриархом, он прошел с посохом паломника через Грецию, Палестину, Сирию, Египет; везде он видел христианские города и везде находил храмы, освященные во имя Спасителя.

И вот вечерний свет, тихо падающий на остатки древнего Иерусалима, обращает мысли мудрого, великого старца и патриарха к предметам более важным, чем развалины города. Как древний Илия в тихом голосе (I Царств 19:12) осознал присутствие Божие, так и старец Софроний, философ, историк, оратор и поэт, патриарх и святой, в мягком свете вечерних сумерек мысленно ощущает прикосновение иного, высшего Света. Материальное солнце, заходящее на Западе, склонило ум епископа к представлению о солнце нематериальном, и перед его духовным взором предстал образ Святой Животворящей Троицы. Западное направление солнца вызывало в его памяти мрачный запад падшей природы человечества; тихий свет заходящего солнца, нежно купающий в своих лучах усталую природу на закате, живо представлял ему сошествие Сына Божия в темное человечество, чтобы просветить и воскресить его, а с ним и всю природу. В прохладном дыхании вечернего воздуха он видит прообраз той благодати, которой Святой Дух, вследствие искупления, совершенного на Кресте Иисусом Христом, оживляет и одухотворяет человека и вселенную. Душа мудрого старца переполняется благочестивым чувством, и трепетным голосом, голосом святого, он поет вечерний гимн Творцу вселенной: О Ты, мягкий¹ Свет Святой Славы, о Христос, Спаситель мой! Ты, открывший нам Славу Отца! О мягкий Свет Святой Славы, на который духовный взор любит взирать, как телесный взор на мягкие сумерки! Ты восхотел спасти мир и однажды пришел на темный Запад – да, вплоть до нашей природы; поэтому каждый раз, когда мы достигаем захода солнца, день за днем, когда мы видим свет вечера, мы славим Отца Твоего, славим Сына Твоего, славим Духа Святого, прославляя Троиединого Бога. О Сын Божий, дарующий жизнь нам и всем тварям! Мы должны воспевать Тебя благоговейными голосами, мы должны падать перед Тобой ниц не только при заходе солнца, не только при наступлении сумерек, но во все времена дня и года. Ты – Жизнь мира, и поэтому Тебя прославляет весь мир. Аминь.

1. В славянской версии этого гимна вместо греческого "радостный свет" стоит "мягкий" или "тихий свет" (прим. ред.).

3. ФОТИС КОНТОГЛУ.

Автор КОНСТАНТИН КАВАРНОС, Уитон-колледж, Нортон, Массачусетс.

ФОТИС КОНТОГЛУ.
1895–1965

Фотис Контоглу, величайший иконописец современной Греции и один из самых значительных ее Богословов и литераторов, умер в Афинах 13 июля 1965 года. Его смерть, ставшая результатом операции по удалению камней в мочевом пузыре, проведенной некомпетентным хирургом, прошла почти незамеченной в Америке, даже среди греко-американцев. Но она была глубоко оплакана во всей Греции. Все религиозные и литературные периодические издания, газеты Афин и других городов Греции писали статьи, оплакивая его уход и подчеркивая его достижения как иконописца и писателя, а также его образцовый характер и жизнь.

Я был в Греции во время смерти Контоглу, и мне посчастливилось в последний раз пообщаться с этим великим и святым человеком всего за пять дней до его "успения". Весть о его смерти дошла до меня, когда я находился на острове Митилена, родине моих родителей, и собирался отправиться в паломничество на Гору Афон. Я получил телеграмму от редактора афинского религиозного ежемесячника, в которой он сообщал мне о смерти Контоглу и просил написать некролог. Эта новость стала для меня большим потрясением, но я сумел собраться с мыслями и выполнить эту простую просьбу.

По возвращении в Соединенные Штаты, спустя несколько месяцев, мое внимание привлек тот факт, что кончина Контоглу не вызвала появления ни одной статьи о нем в публикациях в этой стране. С тех пор несколько моих друзей, которые следят за периодической литературой гораздо лучше меня, говорили мне, что этот вопрос до сих пор не решен, и призывали меня написать что-нибудь о Контоглу. В связи с этим я взялся написать эту краткую биографию.

ФОТИС КОНТОГЛУ родился 8 ноября 1895 года в Кидонии (Айвали), городе на западном побережье Малой Азии, напротив Митилены. Он происходил из очень благочестивой семьи, у которой была своя часовня. В этой часовне, среди прочих драгоценностей, находились древнее резное распятие и большая икона с изображением святой Параскевы. Многие из его предков

были монахами, а один из его дядей, Стефанос Контоглу, был иеромонахом, настоятелем монастыря Святой Параскевы близ Кидонии. Стефанос оказал большое влияние на жизнь Фотиса. В одной из своих ранних публикаций, книге "Васанта" (1923), он посвящает главу с переводами из Псалмов Давида "Строгой душе иеромонаха Стефаноса Контоглу, моего дяди, чьи добродетели я постоянно держу перед собой как образец и правило".

Детство Фотиса, имя является народной формой имени Фотиос, прошло в идиллическом окружении очень культурного и процветающего города Кидония. Этот город с населением около 30 000 человек был полностью заселен греками, за исключением трех человек – окружного губернатора, судьи и сборщика налогов, которые были турками. Он очень любил море и лодки, а также уединение, которое давали ему пустынные соседние островки. Ему нравилось быть одному и жить, насколько это возможно, как Робинзон Крузо. В одной из своих статей, написанной в 1955 году, он говорит: "Много раз я месяцами жил на необитаемом острове, в полном одиночестве, свободный, как Робинзон Крузо, совершенно не вспоминая о городах, людях и их мелочах". Герой Даниэля Дефо очаровал Контоглу на всю жизнь; он упоминает его во многих своих произведениях.

Окончив знаменитую Кидонийскую академию, или гимназию, Контоглу отправился в Европу. Там он провел немало лет, особенно во Франции, изучая шедевры искусства, осваивая технику живописи и расширяя свои познания в целом. Он был в Париже, когда началась Первая Мировая война, и оставался там на протяжении всей войны. Именно здесь он впервые проявил себя не только как художник, получив призы за свои картины, но и как писатель. Его первая книга, "Педро Касас", была написана в Париже и опубликована там же в 1919 году.

Через несколько месяцев после подписания перемирия Контоглу вернулся в родной город. Он оставался в Кидонии до 1922 года, когда греки Малой Азии были изгнаны турками. Там в 1920 году он написал замечательный пролог ко второму изданию "Педро Касаса", которое было опубликовано в Афинах в 1922 году. В нем он излагает некоторые из своих основных идей о литературе и изобразительном искусстве, которых он придерживался и в дальнейшем.

В 1922 году, преследуемый турками, он вместе с другими членами своей семьи перебрался в Терми, Митилену. Позже отправился в Афины, которые стали его постоянным местом жительства. Не любя шум и отвлекающую суету городов, он всегда жил на окраине Афин. Когда семья Контоглу покинула Кидонию, они взяли с собой священные предметы, о которых я упоминал выше, а также некоторые другие, в том числе несколько церковных книг, вместо вещей, которые по мнению мирских людей были бы более ценными. Эти вещи Контоглу хранил в своем доме всю жизнь как самое дорогое, что у него было. После его смерти они были переданы его женой Марией в монастырь Святой Параскевы в Неа Макри, Аттика, в соответствии с его желанием.

В Афинах Контоглу вскоре стал известен в литературных кругах благодаря своей книге "Педро Касас", получившей высокую оценку критиков. Его репутация как писателя выросла с появлением книг "Васанта" (санскритское слово, означающее "весна") в 1923 году и "Таксидия", "Путешествия", в 1928 году, а также литературно-художественного периодического издания Филике Гетерия, "Дружеское общество", которое он основал в 1925 году. Уже через несколько лет Контоглу занял видное место в греческом литературном мире, вызывая восхищение своим стилем, отличающимся ясностью, простотой, энергией и теплотой, замечательными наблюдениями и глубокими мыслями.

КАК ХУДОЖНИК Контоглу не сразу добился признания. Ему приходилось преодолевать сложные препятствия. После отъезда из Европы его все больше впечатляла византийская

традиция живописи. Вскоре он решил отказаться от того, что узнал в Европе о живописи, и посвятить себя освоению живописи в соответствии с византийской традицией. Но в Греции в то время не было мастеров этого искусства, все художники использовали западные прототипы и техники. Ему пришлось стать собственным учителем и постигать секреты великой и почтенной традиции византийского искусства, читая старые рукописи и посещая византийские памятники, внимательно и терпеливо изучая работы старых мастеров. В одной из своих статей, опубликованной в 1953 году, он пишет: "Я тоже принадлежу к числу тех, кто прожил много лет в великих центрах Европы. Но давным-давно я выбросил в корзину бумажные свидетельства своей мудрости, как только понял, что лучшее образование – это изучение того, что оставили нам тысячелетние труды и опыт". Кроме того, Контоглу пришлось преодолеть сильное предубеждение общественности против византийского искусства – предубеждение, которое все больше и больше распространялось в Греции после ее освобождения в прошлом веке. Освободившись от турок, греки стали отказываться от своих традиций и обращаться к Западу за прототипами в искусстве и культуре в целом. В Греции распространился и был принят все более широко распространявшийся в Европе того времени взгляд на Византию. Согласно этому взгляду, византийская цивилизация была низшей цивилизацией, не заслуживающей серьезного изучения, а византийское искусство – низшим, почти варварским искусством. Принятие этой точки зрения означало отказ от великой традиции византийского искусства и принятие современных европейских, в частности итальянского Возрождения, моделей и техник. Контоглу удалось великолепно преодолеть оба препятствия. Но на это потребовалось время.

Первое из них преодолеть было гораздо легче. Самые важные уроки византийского искусства он получил на Святой Горе Афон и в Мистре. Что касается Афона, то важно, что он написал там несколько глав, а также предисловие и глубокую заключительную главу об изобразительном искусстве в своей второй книге "Васанта", и что одна из трех его поэм, которые появляются в этой книге, была вдохновлена византийской живописью в очень старой часовне на Афоне, как он отмечает в конце поэмы. О его долге перед Афоном в его развитии как иконописца свидетельствует также опубликованный в 1925 году том, содержащий фотографии выполненных им копий византийских фресок на Афоне; а также иллюстрации в двух выпусках Филике Гетерия того же года, на которых изображены выполненные им настенные иконы монастыря Ивирон. Контоглу посетил Мистру вскоре после своего пребывания на Святой Горе. Он сделал копии некоторых настенных росписей в византийских церквях в Мистре, а затем долгое время работал там над очисткой настенных росписей в церкви Периблептос.

Книга Контоглу "Таксидия", которая была опубликована через пять лет после Васанты, показывает, что он тщательно изучал фрески в Мистре, мозаики Оссиос Лукаса в Фокисе, панно с иконами в Деметсане, Монемвасии и на Кикладских островах, особенно на Мелосе и Кимолосе. В "Таксидии" содержатся описания этих священных картин, рисунки, которые Контоглу сделал с них, и отрывки, выражающие его огромное восхищение византийским искусством. Сравнивая византийское искусство с европейским религиозным искусством, он говорит в одном месте: "В странах Европы есть церкви с росписями, которые славятся своими художественными достоинствами; но они не имеют той тайны и силы вызывать раскаяние (*katanyxis*), которой обладают иконы, выполненные некоторыми неграмотными и простыми византийскими художниками". Из заявления, которое он делает в другом месте этой книги, ясно, что к этому времени он выполнял для греческих церквей панно с иконами, выполненными в византийском стиле. Говоря о большой, недавно построенной приходской церкви в Кимолосе, он говорит: "Я сам сделал две иконы на иконостасе: святого Георгия, сидящего на коне, и святую Евгению, по образу, который был передан нам старыми иконописцами".

Около 1930 года он был назначен техническим руководителем Византийского музея в Афинах. В течение многих лет он оказывал там ценные услуги, поскольку обладал как большой любовью к собранным в музее произведениям, так и техническими знаниями по их очистке и сохранению.

В 1932 году Контоглу опубликовал небольшой том под названием «Иконы и фрески византийского искусства», содержащий двадцать листов с изображением византийских настенных икон и фресок, скопированных им. В этот период он продолжал писать настенные иконы. В небольшой базилике в Афинах, известной как Монастераки, я заметил много прекрасных икон на иконостасе, выполненных его рукой в начале тридцатых годов.

В конце тридцатых годов Контоглу украсил историческими фресками три большие комнаты афинской ратуши. Это была его первая крупномасштабная работа в качестве фрески и единственная масштабная светская работа. Следующим его крупным достижением как фрески стало иконописное оформление большой церкви Зоодохос Пеги в Лиопеси (Пайания), городе неподалеку от Афин. Он начал работать здесь в 1939 году. Вторая Мировая война прервала его работу, но он возобновил ее, когда война закончилась. Когда я впервые встретился с Контоглу в 1952 году, он отвез меня в Лиопеси и показал многочисленные прекрасные фрески, которые он написал, отметив их характерные византийские черты.

Во время Второй Мировой войны Контоглу занялся писательской деятельностью. Он выпускал одну книгу за другой. В период с 1942 по 1945 год он опубликовал не менее восьми книг. Большинство из них совсем небольшие. Самая большая и важная из них – *Mystikos Keros*, "Мистический сад", вышедшая в 1944 году. Это одна из лучших его работ, чрезвычайно красноречивая и трогательная. Его главы о благочестии (Феосивее) и святом Исааке Сирине – шедевры, полные глубокого религиозного чувства. Он рассказывает о других замечательных подвижниках Сирии и Месопотамии и подчеркивает добродетели веры, смирения и чистоты. Следующими по значимости среди его работ этого периода являются "Истории и происшествия" (*Histories kai Peristatika*, 1944) и "Древние люди Анатолии" (*Hoi Archaioi Anthropoi tes Anatoles*, 1945), обе небольшие книги, содержащие ностальгические рассказы о его родных местах и их людях, а также главы, посвященные религиозным темам, особенно византийскому искусству.

САМЫМ ПЛОДОТВОРНЫМ периодом жизни Контоглу как художника, так и писателя были последние двадцать лет его жизни, с конца Второй Мировой войны до последнего месяца перед смертью. Это был действительно период поразительной продуктивности. При помощи нескольких своих талантливых учеников он написал за этот период бесчисленное множество икон, которые можно увидеть в церквях во многих частях Греции, а также в США и других странах, и многие тысячи квадратных ярдов настенных росписей. После церкви в Лиопеси, о которой я упоминал выше, он расписал фресками весь интерьер церкви Святого Андрея на улице Патиссион в Афинах. Затем он расписал стены новой митрополичьей церкви Евангелисмос на Родосе и церкви Святого Георгия в Стемнице, Аркадия. И, наконец, он украсил фресковыми иконами восточную апсиду, центральный купол, подкупольные и бочковые своды под куполом, а также другие поверхности следующих афинских церквей: Капникарея, Святого Георгия в Кипсели, Святого Хараламбоса в парке Педион ту Ареос, Святого Николая в Като Патисия и некоторых других.

Благодаря этим работам, обучению многих одаренных молодых художников технике византийской иконописи, а также своей долгой, яркой и энергичной защите византийского искусства, которая завершилась в 1961 году монументальным двухтомным трудом под названием *Экфрасис*, "Выражение", в котором он преподает теорию и практику византийской

иконописи, Контоглу удалось сделать это искусство преобладающим в Греции. Его влияние распространилось и на Америку, где многие церкви были украшены панно, фресками и мозаиками, выполненными его учениками, а также другими людьми, которые в большей или меньшей степени следуют византийской традиции.

В этот же период он занимался и писательской деятельностью, написав, в частности, следующие весьма назидательные книги: Жизнь и поступки Блеза Паскаля (1947); Жизнь и духовные подвиги преподобного отца нашего Марка Анахорета¹ (1947); Источник жизни (1951), в котором он кратко излагает жизнь и отрывки из учения некоторых великих святых Православной Церкви; Святое Евангелие от Матфея с толкованием (1952), Экфрасис (1961), Великое знамение (1962), в котором он рассказывает о многих необыкновенных чудесах, произошедших недавно в Термах, Митилена; и: Что такое Православие и что такое папизм (1964). Также он перевел на греческий язык книгу Леонида Успенского "Икона: несколько слов о ее догматическом значении", и опубликовал ее с предисловием и собственными заметками, а также иллюстрациями под названием "Икона" (1952); вместе с молодым Богословом Василием Мустакисом он основал и редактировал "Кивотос" (1952-1955), религиозное периодическое издание, посвященное в первую очередь православной духовности. Кроме того, Контоглу опубликовал множество статей в различных периодических изданиях – в частности, в "Неа Хестиа", "Эллинике Демиургия", "Экклесия", "Эфемериос", энциклопедиях и афинской ежедневной газете "Элефтерия". Его статьи в "Элефтерии" настолько многочисленны, что, собранные вместе, они составили бы несколько томов. Многие из них – из лучших, что он написал, и из самых глубоких, что были написаны на греческом. Большинство его статей в этих изданиях посвящено религиозным темам, таким как вера и разум, религия и философия, религиозное и светское искусство, византийская иконография, византийская музыка, жизнь мучеников и других святых и т. д.

1. Переведено в журнале "Православное Слово", № 1, 1966, с иллюстрациями Контоглу (прим. ред.).

Контоглу был удостоен премий за две свои последние книги. Он получил премию Афинской академии за книгу "Экфрасис" в 1961 году и премию Пурфины за книгу "Айвали: Мое родное место" в 1963 году. Последняя является первым томом его "Эрга", "Сочинений", которые начали выходить в издательстве "Астир" в Афинах в 1962 году, и из которых уже вышло четыре тома. (Общее количество томов этой серии, каждый из которых содержит более 300 страниц и состоит из статей, частей уже опубликованных книг или неопубликованных работ, может превысить 24).

В знак признания его выдающихся достижений как автора Афинская академия, высшее культурное учреждение Греции, 24 марта 1965 года присудила ему высшую литературную премию "Аристеон Грамматикон".

Помимо написания множества книг и сотен статей, Контоглу вел огромную переписку. Однажды он сказал мне, что пишет около пятидесяти писем в месяц. Он переписывался с людьми во многих частях света, не только с греками, но и с американцами, финнами, французами, немцами, русскими, угандийцами и другими. У него было бесчисленное множество друзей и почитателей по всему миру, которые обращались к нему за советом в вопросах иконописи, православного вероучения и жизни. Он часто читал мне выдержки из их писем. И я встречался со многими такими людьми в его доме.

В КНИГАХ, статьях и письмах Контоглу мы встречаем человека, обладающего непоколебимой религиозной верой, свободной от всякого скептицизма и метафизических мук. Мы встречаем человека, погруженного в Священное Писание и труды Отцов Восточной Церкви, великих духовных писателей, таких как преподобные Макарий Египетский, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов и Григорий Синаит. Мы видим человека, который с глубочайшим уважением относился к Священному Преданию Восточного Православия, включая все его догматы, священные каноны и священные искусства (архитектуру, иконопись, музыку), не допуская никаких компромиссов в них и не терпя никаких отклонений от них. Православие было для него священным Кивотосом, священным ковчегом, и эти его драгоценные содержимые должны быть тщательно охраняемы, не должны быть утрачены или заменены на подделки.

Контоглу был категорически против участия православия в "экуменизме". Ибо он видел в таком участии опасность компромисса в вопросах, которые не допускают компромисса. И он был свидетелем грубого нарушения святых канонов Православной Церкви во имя "экуменизма". Особенно критически он относился к маневрам патриарха Афинагора, в котором видел отступника, предателя Греции и Православия. В своей последней книге, озаглавленной *Ti Einai he Orthodoxyia kai ti Einai ho Papismos*, "Что такое Православие и что такое папизм", Контоглу подчеркивает пропасть, разделяющую Православие и римский католицизм, что делает совершенно абсурдными утверждения Афинагора о том, что между ними нет реальных различий.

Контоглу был человеком непреклонной Православной веры и безупречного характера, украшенного добродетелями великого смирения, долготерпения, мужества, мудрости, чистоты, надежды и любви. Он был благочестивым человеком, святым человеком, человеком Божиим. Все, что он делал, носило отпечаток этих качеств.

Как при жизни, так и после смерти было очевидно, что он свободен от мирских привязанностей, он гражданин Града Божиего, а не земного города, слава которого временна, а власть обречена на прозябание. Он умер в нищете, игнорируемый государством. Его похороны были простыми, без всякой мирской показухи. Его тело до могилы сопровождали не государственные сановники, а только искренние друзья и почитатели, которые очень любили его и были глубоко опечалены тем, что больше не увидят и не услышат его в дни своего земного пребывания. Среди них был и глава Греческой Церкви архиепископ Хризостомос. Этот весьма почтенный иерарх высоко ценил своего любимого Фотия как иконописца, как Богослова, как творца и как человека. Среди множества запоминающихся слов, сказанных Его Высокопреосвященством Хризостомом в его надгробной речи, особо стоит отметить это высказывание: "Мы провожаем сегодня, – сказал он, – человека, который без преувеличения может быть причислен к лику святых исповедников веры".

4. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРИАРХУ.

Это открытое письмо появилось в греческом религиозном периодическом издании "Три иерарха", декабрь, 1965, номер № 1228, в качестве редакционной статьи. Оно было написано специально для этого номера одним из самых эрудированных греческих церковных деятелей, архимандритом Епифанием (Феодоропулосом). Он отредактировал недавнее издание греческого Добротолюбия в пяти томах, снабдив его ссылками на Священное Писание. Его письменные работы в защиту православной традиции хорошо известны, а его брошюра "Несменяемость епископов" является популярным пособием по этому вопросу, который он

тщательно исследует в свете Священных канонов и Отцов, полностью заставляя замолчать новаторов и нарушителей канонов. Среди других его работ: "Имеет ли Церковь право прощать грехи", "Священное Писание и злые духи" и "Масонство в свете истины".

Ваше Святейшество!

С некоторого времени полнота Православной Церкви (сознательно верующая полнота) с великой болью наблюдает за очень опасными для веры действиями первого епископа Православия. Ваше отношение (и Ваших представителей) к папе и папизму повергает истинных чад Православной Церкви в невыразимую скорбь и является страшным для них душевным испытанием.

Вы переписываетесь с папой по полному церковному чину, будто мы живем в V веке по Р. Х. Ради встречи с ним Вы принимаете на себя труд далёких путешествий. Вы нежно обнимаетесь и братски лобызаетесь с ним. Вы называете его «первым епископом Христианства», а себя – вторым, после него. *Urbi et orbi* Вы провозглашаете, что «ни одно различие не разделяет две Церкви». Вы молитесь с папскими представителями и ведёте себя с ними так же, как с православными епископами. Вы снимаете многовековые отлучения, которые, если даже и были наложены под влиянием событий беспрецедентной остроты как мера противостояния им, тем не менее, не выразили ничего, кроме соборного мнения непорочного и Богоносного Православия, и явились не чем иным, как простым применением (конечно, уже запоздалым) положений канонического церковного права, предписывающих удаление из Богозданной ограды «неисцельно и к смерти недугующих», то есть еретиков и растлителей веры.

Ваше Святейшество!

Что произошло: папа присоединился к Православию или Вы к католичеству? Если первое, то объявите об этом, «да все светло празднуем и друг с другом да ликуем». Если же второе, то исповедуйте это с полной искренностью и прямолинейностью, чтобы мы убедились в том, что после ветхого Рима пал и был поглощен ересью и Рим Новый. Если же не имело места ни то, ни другое, но и Вы, и папа остаётесь каждый на своих позициях, то как тогда можно объяснить Ваши компрометирующие действия? Как возможно, чтобы папа был первым епископом Христианства, а Вы – вторым? Когда наша Церковь причисляла еретических епископов к православным? На каком языке Вы говорите? На языке канонической точности или дипломатического легко лавирующего притворства? Епископ Вы или дипломат? Как можно снять канонические наказания Церкви, когда их объект (ересь) не только продолжает существовать, но и успешно умножается, разрастается и цветёт пышным цветом? Если бы не существовало мер отлучения для папистов за те изменения в вере, на которые они дерзнули, то их надо было бы провозгласить сегодня общим голосованием Православных Церквей, послушных ясным и четким предписаниям священных канонов. Как и почему отменяются уже существующие отлучения?

Ваше Святейшество!

Говорят, что Вы действуете так для того, чтобы привлечь на свою сторону по-мирски всемогущий Ватикан, противопоставить его союзническую славу и силу турецким угрозам и таким образом поддержать находящийся в опасности и теряющий своё устойчивое положение престол древле Царствующего града. Если это действительно так, то Вы заблуждаетесь и трудитесь напрасно. Имеем ли мы, Ваше Святейшество, союзником Бога или нет? Если имеем, тогда «один изгонит тысячу, и двое победят тьмы», тогда «возстанут яко волны морския» и

турецкая звериная ярость будет пред нами как тонкая паутина, тогда «процветёт и прозябнет и возрадуется пустыня Иорданова» и «скачет хромый яко елень, ясен же будет язык гугнивых», тогда... О, тогда «разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!»! Если же нет, то «к чему уповаем на князи и на сыны человеческия, в них же несть спасения»? Тогда, Ваше Святейшество, к нам скорее применимы слова пророка: «Горе сходящим во Египет помощи ради, уповающим на кони и на колесницы: суть бо многа, и конническое множество много зело: и не беша уповающе на Святаго Израилева, и Бога не взыскаша. Тойже премудре наведе на них злая, и слово Его не отринется, и встанет на дома человеков злых и на надежду их тщетную, египтянина человека, а не Бога, конски плоти, и не будет помощи: Господь же наведет руку Свою на ня, и утрудятся помагающи, и вей вкупе погибнут» (Ис. 31:1–3).

Ваше Святейшество!

Пусть лучше исторический Константинопольский престол будет вырван с корнем и пересажен на какой-нибудь пустынный морской островок или даже потоплен в глубинах Босфора, чем будет предпринята попытка даже малейшего уклонения от «золотого пути» Отцов, которые в один голос взывают: «снисхождения в делах веры не бывает». Семь светильников Апокалипсиса за наши грехи уже давно погасли. Семь апостольских Церквей, Церквей, удостоившихся высочайшей чести принять через Богодухновенного патмосского тайнозрителя написанные именно для них послания с Неба, исчезли с лица земли,¹ и там, где прежде совершалась престрашная Жертва и воспевалась Троическая песнь, теперь, может быть, каркают ночные вороны и бродят дикие ослы. И, однако, Невеста Господня не умерла. Церковь Христова не исчезла. Израненная и окровавленная, как и ее Основатель, но вечно живая и непобедимая, она продолжает свой путь сквозь века, просвещая, согревая, оживотворяя, спасая. Она не умрёт, даже если сдвинется со своего места или упразднится Вселенский престол. Никто из православных не желает перемещения или упразднения Вселенского престола. Да не будет сего! Но ни один из них не пожертвует ради него «йотой единой или единой чертой» [ср.: Мф. 5:18] Православной веры. Сражайтесь за Вселенский престол изо всех сил. Вы не просто имеете на это право, но и обязаны укреплять его, насколько Вам это возможно. Жертвуйте ради него чем угодно: деньгами, недвижимостью, честью, славой, драгоценными предметами, диаконами, пресвитерами, епископами, даже самим патриархом Афинагором! Одно лишь удержите, одно сохраните, одним не жертвуйте – Православной верой! Вселенский престол имеет ценность и приносит пользу только тогда, когда он излучает по всей земле не вечерний свет Православия. Маяки полезны только тогда, когда они светят мореплавателям, чтобы те могли уклониться от рифов. Когда же их свет гаснет, тогда они не только бесполезны, но и опасны, поскольку сами превращаются в рифы...

1. Это апостольские церкви Ефеса, Смирны, Пергама, Фиатир, Сардиса, Филадельфии и Лаодикии, которые были полностью уничтожены во время разрушения Малой Азии в 1924 году, когда все христиане были изгнаны или истреблены.

Ваше Святейшество!

Вы зашли уже слишком далеко. Ваши стопы касаются потоков Рубикона.¹ Терпение тысяч благочестивых душ: священнослужителей и мирян – непрерывно истощается. Ради Господней любви, поверните назад! Не надо производить в Церкви расколы и разделения. Пытаясь закрывать глаза на разногласия, Вы добьётесь одного – разорвёте единое и вызовете появление трещин на почве, донныне твёрдой и монолитной. Осознайте это и опомнитесь! Но, увы! Вами проделан уже немалый путь. Уже «к вечеру есть, и приклонился есть день»

[Лк. 24:29]. Как Вы разглядите зияющие бездны, куда скоро заведёт Вас тропа, по которой Вы шествуете? О, если бы, если бы Тот, Кто некогда остановил солнце над Гаваоном и луну над долиной Елонской, повторил чудо и ещё раз продлил бы протяжённость дня, усилил бы его свет и отверз бы Ваши очи, чтобы Вы узрели, уразумели, возвратились.

1. Имеется в виду случай из жизни Юлия Цезаря, когда он выступил в поход против Помпея. Река Рубикон была границей провинции, которой он управлял. Перейдя Рубикон, Юлий Цезарь лишил себя возможности вернуться в свою законную провинцию и тем самым открыто заявил о своем решении идти на Рим и бороться за власть.

С глубочайшим уважением,
«ТРИ ИЕРАРХА».

5. ПРАВОСЛАВИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА ДВУХ МОСКОВСКИХ СВЯЩЕННИКОВ ПРИВЛЕКАЮТ ВНИМАНИЕ ВСЕГО МИРА.

Из всех последних признаков, свидетельствующих о брожении религиозной жизни в Советском Союзе, ни один не привлек к себе большего внимания как в СССР, так и за рубежом, чем два открытых письма московских священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина – патриарху Алексию и главе государства Подгорному – с протестом против неканонических условий, в которых в настоящее время находится Церковь Московского Патриархата. В письме к Подгорному выражается протест против вмешательства государства в жизнь Церкви, в письме к Патриарху – протест против поведения церковной иерархии и предложения по ее исправлению, а также изложение религиозной идеологии, которая заслуживает внимательного изучения. С момента появления в декабре прошлого года (они датированы 13 декабря 1965 года) оба письма несколько раз публиковались в русской прессе за рубежом, были сделаны переводы на английский и несколько европейских языков. Письмо Патриарху, которое будет рассмотрено здесь, в двух экземплярах было разослано всем епископам в СССР и многим иерархам за рубежом; как затраченные усилия, так и отклик на него указывают на то, что высказанные в нем мнения принадлежат не только двум авторам, но и значительному числу епископов и священников в СССР.

Первая часть письма патриарху Алексию представляет собой длинное обвинение в адрес тех, кто несет ответственность за нынешнее состояние Церкви в СССР – прежде всего иерархов. «И вот ныне горькой истиной, очевидной для каждого человека, любящего Христа и Его Церковь, стало то, что Русская Церковь тяжело и опасно больна, и болезнь Ее всецело оттого, что церковная власть уклонилась от исполнения своего долга, отступив за тот предел, «далее которого нельзя идти». Церковь стала жертвой "серьезных нарушений". Такая ситуация сложилась, в частности, с 1957 года под давлением Хрущева: в этот период «Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией». Этот Совет, управляющий Церковью в основном с помощью неофициальных устных указаний и недокументированных соглашений, в последние годы отвечал за: 1. незаконную регистрацию крестин, браков, отпеваний и других треб на специальных бланках, которые проверяются государственными органами и используются для преследования верующих; 2. массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ (за

краткий период 1961–1964 гг. были закрыты более десяти тысяч православных храмов); 3. фактическое прекращение треб на дому и панихид на кладбищах; 4. принудительное удаление детей от Церкви (подросткам до 18 лет запретили участие в храмовом Богослужении, а в некоторых епархиях детям отказывают в приобщении Святых Таин); 5. вмешательство «мирских начальников» в поставление духовенства, посредством чего достойные кандидаты устраняются, заменяясь нравственно неустойчивыми, маловерными, а иногда и вовсе беспринципными, с целью разрушения Церкви. Особый протест вызывает постановление Синода от 1961 года, которое "лишает священника административно-хозяйственного управления приходом, фактически низводит пастыря до положения наемника, на договорных началах совершающего Богослужения и требы и находящегося в прямой зависимости от исполнительного органа", тем самым передавая управление приходами в руки мирян – зачастую неверующих и местных коммунистических чиновников.

Вина за все это возлагается на духовенство: "Сейчас в Русской Церкви действует целая группа епископов и священников, которые под видом благочестия сознательно и активно искажают дух Русского Православия. Эти люди возымели лукавый помысел развратить Русскую Церковь — насадить в ней дух теплостыни, дух раболепия и фарисейства, тлетворный дух «мира сего». «Вторая немалая опасность заключается в том, что подавляющее большинство даже тех епископов и пресвитеров, которые крайне недовольны нынешним положением Русской Церкви, молчат и своим тяжким молчанием способствуют его ухудшению. Иные архиереи серьезно считают, что они своим молчанием спасают Русскую Церковь от еще худшей участи – и напрасно. Они своим несправедливым молчанием прикрывают беззаконие и тем самым оказывают желанную услугу всем противникам Святой Церкви».

Конечно, все это уже было сказано – но только за пределами СССР. Ценность документа до сих пор заключается не в новизне его содержания, а в том, что голос изнутри самой советской Церкви самым решительным образом подтверждает некоторые из самых серьезных обвинений, выдвинутых православными наблюдателями за рубежом. Смелость авторов заслуживает похвалы, но сама по себе она недостаточна для того, чтобы оправдать ту безоговорочную похвалу, которой их удостоило мировое мнение. В предлагаемых ими решениях для устранения обнародованных ими вопиющих злоупотреблений можно найти достаточно оснований, чтобы поставить под сомнение это некритическое одобрение.

"Болезнь" советской Церкви может быть исправлена, по мнению двух священников, путем созыва (1) нового Собора епископов, который отменит постановление 1961 года; и (2) нового Поместного Собора всей Русской Церкви с самым широким представительством, который положит конец вмешательству государства в церковную жизнь. Предполагается возвращение к основам советской "законности": декрету 1918 года "Об отделении Церкви от государства" и 124-й статье советской конституции, провозглашающей "свободу совести". Но ожидать от Советов соблюдения каких-либо законов, даже своих собственных, крайне наивно; ведь их режим основан именно на беззаконии, и их кампания по уничтожению Церкви – то "законными", то "незаконными" средствами – лишь логическая часть всего их беззаконного мировоззрения. Эти два священника – жертвы советской пропаганды, если они действительно верят, что коммунизм стремится "сосуществовать" с Христианством или терпит какую-либо реальную свободу совести.

Но тщетность их доверия к советской "законности" – еще не самое главное, что заставляет усомниться в этом документе; протестовать заставляет сама концепция Православного Христианства, выраженная в нем. Говоря о духовных ресурсах Русской Церкви, которые будут использованы на предполагаемом Поместном Соборе, авторы приводят список "известных мыслителей" последнего времени, среди которых немало "либералов" и откровенных

еретиков и Бого-хульников (вплоть до Бердяева); и их выбор симптоматичен, поскольку именно модернистские идеи некоторых из этих мыслителей, похоже, и вдохновили идеологию настоящего документа. "Двадцатый век... поставил Святую Церковь перед духовным обязательством по-новому и творчески преобразовать учение Православия"; в качестве свидетельства того, что христиане сегодня отвечают на это "обязательство", авторы приводят подготовку к новому православному экуменическому Собору, а также – ко Второму Ватиканскому Собору римско-католической церкви! Готовится "новый вселенский христианский ренессанс"!

Перед нами не голос трезвого традиционного Православия, а всего лишь еще один из множества голосов мирских мечтаний; голос не Церкви Христовой, а "экуменического христианства", чьи апостолы забывают дороги современной идеологии; один из тех утомительных голосов, которые находят ответы на современные церковные проблемы в некоем идеальном "обновлении", "реформации", "ренессансе" – во всем, кроме подлинного, твердого и живого Христианства Отцов.

Нельзя не верить в искренность этих двух священников и не уважать их за ту правду о советской Церкви, которую они дерзнули провозгласить; за эту правду они уже страдают. 16 мая этого года они были освобождены от своих должностей и отстранены от священнодействий Патриархом Алексием I с предупреждением, что за их нераскаянием последуют более суровые меры. 6 июля Патриарх обратился с письмом ко всем епископам (что свидетельствует о важности вопроса), в котором объявил об отстранении священников и высказался против их "открытых писем" как средства распространения недоверия и разделения в Церкви. Впоследствии оба были арестованы и помещены в психиатрическую больницу.

И все же, если эти священники поддались духу времени и стали глашатаями клише современной лжи и отступничества, они, несомненно, будут использованы, возможно, самими советскими властями, для продвижения "экуменического" дела. Сама их наивность играет на руку коммунистам. Когда их предполагаемый поместный Собор будет созван, "самим фактом своего свободного существования Церковь будет свидетельствовать всему миру, что в нашей стране священное право человека на религиозную свободу действительно осуществлено". "Ни хитрости Отдела внешних сношений Московского Патриархата, ни интервью и "авторитетные" заявления, ни участие русских иерархов в международных движениях не способны доказать того, чего нет: свободы Русской Церкви". Но нет ли здесь возможности, которой коммунистические власти были бы рады? Недавняя огласка, как правило, опровергает их утверждение о том, что Церковь в СССР свободна; однако разве "свободный" совет (которым советские власти слишком хорошо знают, как манипулировать, даже несмотря на риск) не преуспевает там, где грубая пропаганда потерпела неудачу? Могли ли сами Советы, в самом деле, придумать лучшее средство для восстановления утраченного уважения за рубежом и, таким образом, для увеличения влияния советской Церкви во Всемирном Совете Церквей и на панправославных встречах? Созыв любого рода Собора в современных условиях советской действительности не может дать никому повода для радости.

Этот документ, несомненно, является важным знаком, и важно, чтобы он не породил ложного оптимизма в отношении настоящего или будущего состояния Церкви в Советском Союзе. Одной из реакций на этот документ на Западе стало проведение различия между "официальной" Церковью ведущих советских иерархов и реальной верующей Церковью, выразителями которой являются эти два священника. И, конечно, есть разница между

механическим повторением советской пропаганды и искренним выражением веры, которое, очевидно, содержится в письме двух священников. Возможно, эти два священника – пример лучшего, что может предложить советское духовенство, но если это так, то это не повод для надежды или оптимизма, а совсем наоборот. Если лучшие представители советского духовенства проповедуют то самое "экуменическое христианство", которое является последней стадией умирающего Христианства на Западе, то подлинное Православие в СССР придется искать в других местах – среди простых верующих, не обманутых мечтами о мнимом "возрождении" Христианства, и в катакомбах, среди тех православных священников и верующих, которые отказываются запятнать себя общением с "официальной", подконтрольной коммунистам Церковью.

Спасение Советской Церкви, которое с такой смелостью пытаются осуществить эти два священника, не может произойти изнутри, и уж точно не в советских условиях. Советская Церковь больна, и поэтому она должна быть поставлена на карантин в остальном православном мире и не допускать распространения своей инфекции за границу. Ибо болезнь глубже, чем предполагают священники, и их документ сам по себе является ее симптомом. Эта болезнь не ограничивается вмешательством коммунистов в церковную жизнь, но гораздо больше проявляется в непринужденном принятии "экуменического" духа эпохи, одним из многих видов которого является коммунизм. Само письмо священников дышит этим духом и является лишь еще одним признаком того, что ни на какие "изменения" в СССР надеяться не стоит; необходимым условием исцеления зараженного организма является полное свержение коммунистической системы. Только тогда можно будет говорить о возвращении к нормальной религиозной жизни в России.

6. ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Учение преподобного Серафима Саровского
О СТЯЖАНИИ СВЯТАГО ДУХА.¹

1. Из Летописи Дивеевского монастыря, составленной архимандритом Серафимом [Чичаговым], СПб., 1903, стр. 360-362.

«РАДОСТЬ МОЯ, МОЛЮ ТЕБЯ, стяжи мирный дух!» – Сказал отец Серафим иноку и тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а перед ним вся слава мира сего как ничто; все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в Небесных обителях; там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирать себя непрестанным бдением, молитвой и памятованием Господа.

«Вот я, убогий Серафим, – сказал старец, – для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и Святому. Через

это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, оттого что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Исккупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

Вслед за этим в неизобразимой радости он произнес: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные Небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости, Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно».

И с этими словами отец Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением.

Потом отец Серафим снова заговорил: «Ах, если бы ты знал, – сказал старец инок, – какая сладость ожидает душу праведного на Небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал на свою келью) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той Небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той Небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой Апостол Павел (2Кор. 12, 2–4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения, в котором водворяются души праведных?!»

В заключение своей беседы Старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

7. ПАЛОМНИЧЕСТВА К ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫМ МЕСТАМ АМЕРИКИ.

ТРЕТЬЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО.

Всего в сорока милях к северу от шумного мегаполиса Нью-Йорка, вдоль реки Гудзон и в нескольких милях от Найака, штат Нью-Йорк, рядом с городком Спринг-Вэлли, штат Нью-Йорк, расположен русский православный женский монастырь. Огороженная каменной изгородью и окруженная тенистой рощей, небольшая белоснежная церковь с голубым куполом и сверкающим крестом возвышается над группой зданий и огромным кладбищем морем белых пасхальных крестов. Все это составляет монашеские земли, которые приютили и сохранили живое наследие и что-то от рвения первых христиан. Монастырь имеет православный дух, что весьма примечательно; его подлинность, его абсолютная уникальность в современную эпоху сама по себе является чудом.

Эта община, одна семья во Христе, возникла в Новом Свете как трансплантированное продолжение великого Дивеевского Серафимовского женского монастыря. Эта семья во Христе имеет благословение последних оптинских старцев, а также множество святынь и икон. Больше всего в нем ценится икона, портрет преподобного Серафима во весь рост, написанный при жизни...

Благочестиво входя в монастырские ворота, паломник встречает справа от себя маленькую иконописную часовню Покрова Божией Матери – и его душа попадает в царство иного мира, в мир первых катакомбных христиан древности, в мир трезвенных православных христиан наших дней, мир, быть может, последних христиан, готовящихся встретить Пришествие Господне...

НОВО-ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ РЯДОМ СО СПРИНГ-ВЭЛЛИ, НЬЮ-ЙОРК.

Все, что может быть у вас на сердце, все, о чем вы скорбите или что с вами случилось, — подойдите все ко мне на могилу и, падая на землю, расскажите мне об этом, как будто я жив. И я услышу вас, и печаль ваша пройдет! Говорите со мной так, как будто я живой, и я всегда буду жив для вас.

— Преподобный Серафим Саровский.

ЭТИ СЛОВА БЫЛИ сказаны великим преподобным своим духовным чадам, бывшим тогда монахинями и сестрами новообразованного Дивеевского женского монастыря в средней полосе России в начале XIX века. Оставив богатую духовную традицию для подражания и одарив монашескую общину священной связью с ним, он мирно ушел из жизни.

Его слова оказались правдой. Своих духовных чад он слышал не только у своей могилы, но и повсюду. Любой предмет, с которым он был так или иначе связан, и особенно его портреты, становились с ним средствами контакта. При жизни было написано несколько его портретов. Эти портреты сохраняли о нем живую память до его канонизации в 1903 году, когда с него можно было писать иконы. До кануна революции 1917 года монастырь был одним из самых святых мест России.

Страшная революция оставила в полном запустении почти все монастыри России, в том числе Саровский и Дивеевский. Но верующие продолжали приходить в беде к преподобному Серафиму, даже за пределы некогда бывшей России, и так сохранялась священная связь между страждущими и кающимися душами верующих и всегда любящим и теплым батюшкой из другого мира, с преподобным Серафимом. Этот живой контакт, знак того, что Христос «смертию смерть поправ», вдохновил новую монашескую общину; и, хотя и отделенный от своего прототипа многими годами и тысячами верст, получил название «Новое (по-русски Ново) Дивеево». Ответственным за эту новую общину был отец Адриан Рымаренко.

Скромная и неприхотливая снаружи, Серафимовская церковь довольно роскошна внутри. Все фрески, иконы и украшения на иконостасе выполнены художником Н. А. Папковым.

«РУССКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ с ее воинствующим антитеизмом вызвала в искренних христианах основательный пересмотр ценностей и породила пыл, возвращавший людей к духу катакомб. Царящая апокалиптическая атмосфера актуализировала для молодых православных россиян основной вопрос о том, что делать со своей жизнью. Многие открыто шли на мученичество...

Молодой выпускник экономического факультета, будущий отец Адриан, ища ответа на этот вопрос, был приведен книгами Сергея Александровича Нилуса в знаменитую Оптиную пустынь, где доживали закат своего славного учреждения богоносные святые старцы. В своем отчаянии он слушал их спокойный, простой разговор, в котором передавалась вечная мудрость отцов Церкви. Старцы Анатолий (младший) и Нектарий вдохнули в него надежду и истинную христианскую радость жизни. Их наставления ему подытоживают учение великой Оптиной пустыни гонимым христианам XX века. Отец Адриан стал живым свидетелем истинности их послания, а новое Дивеево — его сосудом:

Вы спрашиваете нас, что вам делать? Что ж, живите в полном почтении ко всему, что есть от Бога, и более всего к вашей мысли, которая должна быть в Боге. Свидетельство веры должно совершаться в акте благоговения... Это благочестивое благоговение должно составлять в нас всю нашу заботу, оно должно проникать во все стороны нашей жизни, личной, семейной и общественной. Это благочестивое благоговение содержится в ежедневном круговороте церковных служб. В ночное время читается 17-я кафизма (118-й псалом), где пророк Давид открывает своему сыну Соломону истину Божию. И нам Церковь предлагает 17-ю кафизму как средство раскрытия нашего собственного внутреннего существа. В качестве одного из способов стяжания этого благоговения Святая Церковь предлагает духовное упражнение на приучение нашей мысли к памятованию имени Божия: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...»

И поэтому он начал в полной мере; доверяя только Богу во время свирепых гонений, он стал ревностным священником. Несколько раз сидел в заключении, часто голодал, его семья была без крова, он терпел унижения за Христа. Старцы даровали ему свое благословение и свою мудрость; и получил от них икону Владимирской Божией Матери, в утешение гонимым. С отступлением немецкой армии их эвакуировали в Берлин. Именно там преподобный Серафим избрал отца Адриана себе в услужение: портрет преподобного Серафима, спасенный от наступающей Красной армии, был передан ему на сохранение. Отец Адриан, как и первые христиане, руководствовался исключительно церковными нормами. Икона стала центром внимания общины, которая переехала в Западную Германию, а затем, в 1949 году, в Америку.

АМЕРИКА сама по себе никогда не создавала монастыря, который выстоял бы: одни начинали и умирали (Вермонт), другие переселялись из-за границы (Калифорния, Канада). Архиепископ Виталий благословил нескольких монахинь-переселенок образовать монастырь и назвать его в честь старого Дивеева: Ново-Дивеевский. Именно к этим «сиротам преподобного Серафима» и должен был явиться Преподобный в своем иконописном портрете в образе. Отец Адриан прибыл в Нью-Йорк. Временное место было найдено в Найаке, штат Нью-Йорк, в захудалом поместье, в котором был построен павильон для слона, который служил их жилищем. Там сестры ухаживали за больными и бездомными. Один из них оказался их благодетелем: когда бывший римо-католический монастырь поблизости был выставлен на продажу с условием размещения в нем подобного благотворительного учреждения, больной г-н Малеев отдал за него все свои сбережения, и монастырь въехал, приняв своим праздником Успение Божией Матери.

У монастыря тогда был большой долг и не было дохода; временами положение было настолько критическим, что сестрам нечего было есть; и здоровье отца Адриана было плохим. Но ежедневные службы, по Дивеевскому уставу, святились и совершались. Однажды еды было так мало, что отец Адриан отправился в город во время закрытия рынка в поисках чего-нибудь ненужного. Он пришел на рыбный рынок и увидел, что хорошую рыбу выбросили в канаву как испорченную. Он спросил хозяина, может ли он взять рыбу. Человек, узнав об этой истории, был так тронут, что принял решение, что с тех пор, пока существует его бизнес, он будет бесплатно снабжать монастырь свежей рыбой. Он сдержал свое обещание. И теперь, когда бы ты ни приехал в монастырь, на столе непременно рыба.

Открытие кладбища дало общине очень монашескую работу: хоронить и молиться за умерших. Начался постоянный поток паломников на богослужения и на волнующие проповеди отца Адриана.

Дивеевский портрет преподобного Серафима, написанный незадолго до его кончины.

СЕГОДНЯ МОНАСТЫРЬ, насчитывающий более сорока монахинь, выполняет столь необходимую функцию христианского милосердия. Ежедневно сестры собираются в маленьком Успенском храме, в присутствии преподобного Серафима в его иконе-портрете, на их утреннее и вечернее иноческое правило по наставлению святого. Все они посещают Божественную литургию, после чего в трапезной трапезничают и читают жития святых для питания души. Потом расходятся на свои послушания: заботятся о больных, стариках и бездомных; они учат местных детей, сами делают свечи, содержат пчелиные ульи, содержат книжный киоск; они с любовью заботятся о приеме, кормлении, размещении и духовном утешении многочисленных паломников.

Каждую среду после вечерни в Успенском храме поется акафист преподобному Серафиму на старинном дивеевском распеве. По воскресеньям перед Литургией в главном Серафимовском храме поется акафист Покрову Божией Матери.

В праздничные дни (Успения Пресвятой Богородицы, преподобного Серафима и Владимирской иконы Божией Матери) по территории монастыря совершается торжественный крестный ход с водосвятием. Процессия проходит мимо жилищ близлежащего поселка мирян с семьями, которые под духовным руководством монастыря ведут полумонашеский образ жизни.

Жизнь на этом «острове» преподобного Серафима пронизана присутствием святого. Выражение лица его иконного портрета меняется: святой смотрит на вас то сурово, то почти излучает свое небесное заступническое тепло.

В следующем выпуске: Паломничество в Новую Курскую Коренную пустынь в Магопаке, штат Нью-Йорк.

Протоиерей Адриан Рымаренко

Настоятельница монастыря схи-игуменья Михаила, прибывшая из женского монастыря в Шанхае, с группой сестер и отцом Адрианом.

Часовня св. Александра Невского у входа на кладбище.

Иллюстрированный православный журнал,

выходящий раз в два месяца, посвященный представлению Православия и его Священного Предания.

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ.

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.

ИКОНЫ ВЕЛИКИХ ПРАЗДНИКОВ.

Паломничества к ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫНЯМ АМЕРИКИ.

ВЕЛИКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ИЕРАРХИ XIX И XX ВЕКОВ

МАРТИРОЛОГ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИГА.

НОВОМУЧЕНИКИ ТУРЕЦКОГО ИГА.

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ В БУДУЩИХ ВЫПУСКАХ:

ЧУДЕСА ОТЦА ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКОГО.

СТАРЦЫ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Подписка: один год — 3,00 доллара США; два года — 5,00 долларов США.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ КНИГИ И ИКОНЫ 6254 ГИРИ БУЛЬВАР.
САН-ФРАНЦИСКО, КАЛИФОРНИЯ 94121